

Доктор Кайл Данэм, Иов, Елифаз 1

© 2024 Кайл Данэм и Тед Хильдебрандт

Это доктор Кайл Данэм в своем учении об Елифазе, благочестивом мудреце из Иова. Это сеанс номер один: «Елифаз в контексте идумеянской мудрости».

Здравствуйтесь, меня зовут Кайл Данэм. Я доцент кафедры Ветхого Завета Детройтской баптистской теологической семинарии в Аллен-Парке, штат Мичиган. Сегодня я обсуждаю книгу Иова и конкретно рассматриваю роль его советника или друзей. Я много изучал этих собеседников с Иовом, и моя диссертационная работа сосредоточена конкретно на Елифазе, главном из собеседников.

Это было опубликовано издательством Wipf & Stock под названием «Благочестивый мудрец в Иове». Итак, если вас интересует дополнительный материал, стоящий за этим, вы можете взять эту книгу и просматривать ее, пока я просматриваю книгу Иова. Когда мы подходим к книге Иова, это книга, которая во многом сбивает с толку толкователей.

Многие из всех сил пытались понять сложность этого литературного шедевра. Для многих читателей сложность диалогов демонстрирует величие Иова, и книга обычно получает литературную похвалу. Например, Томас Карлейль считал, что Иов — одно из величайших произведений, когда-либо написанных человеческим пером.

Однако трудности интерпретации усиливаются, когда читатель пытается оценить роль, которую автор предназначил трем товарищам Иова, Елифазу, Вилдаду и Софару. Библейское повествование неожиданно и лаконично сообщает, что друзья, услышав обо всем этом зле, постигшем Иова, договорились о встрече, чтобы вместе прийти, чтобы выразить ему сочувствие и утешение. Фактически, мы читаем об этом в Иов 2, стихи с 11 по 13.

Я бы хотел просто прочитать эти стихи, а затем мы их прокомментируем. Когда же трое друзей Иова услышали обо всем этом зле, постигшем его, они пришли каждый из своего места. Елифаз Феманитянин, Вилдад Савхейянин и Софар Наамифитянин.

Они договорились о встрече, чтобы прийти, чтобы выразить ему сочувствие и утешить его. И когда они увидели его издалека, они не узнали его. И они подняли голос, и плакали, и раздирали одежды, и посыпали пеплом головы свои, направляясь к небу.

И сидели с ним на земле семь дней и семь ночей, и никто не говорил ему ни слова, ибо видели, что страдания его весьма велики. Внезапное появление друга, не говоря уже о его последующей многословности, вызывает у читателя любопытство определить, кто они, что они говорят, как их следует воспринимать и говорить это, а также причину того, что они говорят так. Более того, разворачивающаяся книга все больше побуждает читателя понять природу предполагаемого сочувствия и утешения, которое друзья намерены доставить своему бывшему другу.

В любой такой оценке друзей быстро проявляются двусмысленности интерпретации, присущие главному представителю, собеседнику Елифазу. Елифаз считается старшим и наиболее уважаемым из трех товарищей. Он говорит первым, и его речи длиннее, чем у других.

Таким образом, ряд ученых считают его традиционалистом, хранителем богословия традиционной мудрости, который если и заслуживает какого-либо порицания, то лишь ошибки в слишком жестком применении своих богословских принципов. Помимо этого, Елифаз играет в книге неотъемлемую, даже можно сказать, парадигматическую роль главного советника. Его речи служат образцом для последующих друзей, которые следуют за ним.

Его речи затрагивают каждую из различных теодицей, предлагаемых людьми, говорящими в книге Иова. Под этим мы подразумеваем их усилия примирить страдания с праведностью Божьей. Тем не менее, другие критикуют Елифаза за грубость, с которой он обижает Иова, особенно в его более поздних речах.

Некоторые считают его злодеем, который хочет сразу уничтожить Иова. Некоторые даже обвиняют его в том, что сатана преднамеренно использовал его в качестве дьявольского инструмента, используемого для того, чтобы навязать Иову обман сатаны. И когда мы читаем книгу, неудивительно, что возник такой диапазон интерпретаций.

С одной стороны, Елифаз – один из самых красноречивых ораторов в книге, а возможно, и во всем Священном Писании. И все же Яхве выделяет его для резкого упрека в конце книги. На первый взгляд, человек изо всех сил пытается разрешить эти очевидные несоответствия.

И даже еще в греческом переводе Иова в Септуагинте толкователи Иова, похоже, размышляли над предполагаемой ролью друзей. В самом раннем греческом переводе Иова переводчики Септуагинты, кажется, смягчают резкость Елифаза и других друзей, превращая его и их в царей и делая их речи более изощренными, чем можно было бы заключить при внимательном чтении еврейского текста. Даже в Новом Завете апостол Павел, кажется, авторитетно

цитирует мудреца, что приводит к дальнейшей неопределенности в интерпретации.

В 1 Коринфянам 3:9 Павел говорит: «Ибо написано: он ловит мудрецов в их лукавстве», цитата из Иова 5:13 в первой речи Елифаза. Однако, хотя апостол Павел и цитирует Елифаза, не все получается в интерпретации этой личности. Ранняя церковь, казалось, относилась к нему двойственно, но к Средним векам утвердилось очень резкое прочтение первого мудреца.

И мы могли бы назвать это интерпретативной биполярностью, возникшей после Реформации и Просвещения. Многие критиковали его как грубого советника, склонного к богословским излишествам. Но к середине 20-го века Елифаз подвергся тому, что мы могли бы назвать интерпретационной реабилитацией.

Он наслаждался чем-то вроде эпохи Возрождения среди исследователей книги Иова и комментаторов. И это сохраняется до сих пор. В 21 веке мы видим все больше исследований, в которых утверждается, что автор намеренно создает двусмысленность в отношении Елифаза, так что его роль призвана вызвать как отрицательную, так и положительную реакцию.

Теперь, когда мы думаем об Елифазе и его роли в книге, его интерпретации в основном делятся на две линии. Представители первого лагеря рассматривают Елифаза как того, кого можно назвать пагубным советником, не имеющим никакого богословского вклада. То есть он приходит, чтобы причинить Иову вред.

Эти толкователи сказали бы, что друзья были просто негодьями, которых пригласил автор Иова, чтобы дать поверхностную аналогию собственному богословию Иова. Напротив, показано то, что автор хотел подчеркнуть как основные положения книги. Таким образом, друзья на самом деле призваны иллюстрировать проблему, рассматриваемую в книге.

Как можно примирить страдания невинных с праведностью Божией? Как правило, следствием этой точки зрения является понимание того, что друзья были деревянными и статичными, с небольшим разнообразием выражения и нечего действительно добавить к теологии книги или к ее теодицее. Другие, однако, заняли иную позицию. Они видели в Елифазе опытного советника, внесшего значительный богословский вклад.

Недавние исследования, такие как исследование Кэрл Ньюсом, направлены на реабилитацию друзей путем более точного восприятия чувства моральной дилеммы, которую способен обеспечить диалог. Ньюсом, например, отмечает, что литературный жанр «Диалога мудрости», который служит моделью для разговора между Иовом и его друзьями, предполагает, что этот диалог должен

был рассматриваться как сбалансированный спор. Манфред Эминг также утверждает, что друзьям пришлось плохо от рук переводчиков, несмотря на намеки в тексте на то, что читатель должен воспринимать их как настоящих друзей.

И он бы сказал, даже как хорошие министры. Вот что говорит Эминг: друзья Иова намеревались испробовать множество способов облегчить внешние и внутренние невзгоды в качестве доверенных лиц в его борьбе, ссылаясь на Бога и его прежние отношения с Ним. Далее он говорит, что в интерпретационной истории их считали бесчувственными фразерами, жалкими утешителями, которые не понимали нужд своего противника, а, скорее, с догмой о защите Бога, дали ему порку.

Оеминг говорит, что эти негативные мнения я считаю несоответствующими тексту. Скорее, цель стихотворения, похоже, состоит в том, чтобы представить их настоящими друзьями и хорошими служителями. Оеминг далее предлагает три способа, которыми друзья, вероятно, были бы восприняты первоначальной аудиторией как эффективные консультанты.

Во-первых, когда они вначале приходят к Иову, они хранят молчание. Они выражают солидарность и терпение с Иовом, что, кажется, предполагает, что они друзья и мудрые советчики. Во-вторых, вместо того, чтобы торопиться заговорить, они ждут, пока Иов произнесет первое слово.

Такое сдержанное слушание в течение семи дней позволяет Иову первым высказать то, что он хочет сказать. После этого Елифаз начинает довольно чутко и осторожно. В-третьих, друзья воспринимают друг друга в последующих дебатах не только как отражателей или повторителей, но и как участников целенаправленного процесса обмена, посредством которого они работают над достижением взаимоприемлемого решения.

Он заходит так далеко, что говорит: они приносят Иову чувство пастырской заботы в его невзгодах. Они делают это несколькими способами. Они напоминают Иову о прежней богословской позиции, которой он сам придерживался.

Они неоднократно ссылаются на божественные обещания облегчения, пока Иов смиряется перед священными советами мудрости. Они напоминают ему об общем свойстве богословской мудрости, особенно в отношении идеи страдания как средства достижения добрых целей. Они последовательно применяют эту связь с результатом действия, о которой часто говорят со ссылкой на книгу Иова, чтобы предоставить ему безопасную гавань для исповедания своих грехов и поиска примирения.

Итак, на основе этих исследований более поздние учёные попытались рассматривать друзей не просто как фарсовые карикатуры на древнего мудреца или идеологических простаков, но как серьёзно мыслящих, богословски искушённых советчиков и настоящих товарищей, стремящихся найти друг друга. разрешение агонии Иова. В своем собственном исследовании я пришел к тому, что я бы назвал комплексным подходом, который рассматривает Елифаза как главного собеседника, но уделяет больше внимания среде, из которой он выходит. То есть, изучая книгу, я пришел к выводу, что его не следует рассматривать ни как подставного человека, ни как пародируемого шута, а, скорее, он связывает воедино важные элементы древней ближневосточной теодицеи, чтобы предположить, что Единственный способ Иова разрешить свое затруднительное положение – это божественное умиротворение.

Иов согрешил, утверждает Елифаз, и теперь он должен использовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, чтобы вновь обрести благосклонность Бога. Елифаз воплощает самые ценные положения древних ближневосточных взглядов на страдания и божественное провидение. Он использует все доступные авторитетные ресурсы, чтобы убедить Иова и других в правильности своих принципов.

Однако неспособность Иова согласиться в первую очередь смущает Елифаза и других друзей и приводит к ошеломляющему и драматическому исходу в конце книги. Предыдущие исследования Иова действительно недостаточно последовательно и тщательно сравнивали и противопоставляли Елифаза и его роль в речах в книге древнему ближневосточному фону, на котором материализуются его идеи. Итак, в этом исследовании я прихожу к выводу, что Елифаз заслуживает видное место в книге как ведущий сторонник лучших элементов древнего Ближнего Востока и, в конечном счете, человеческой мудрости.

Итак, я хочу немного поговорить о том, как это исследование помогает нам лучше поместить Иова в контекст, из которого, вероятно, возникла эта книга. В предыдущих подходах к Иову были недостатки, которые можно исправить путем тщательного изучения Елифаза на фоне древнего Ближнего Востока. Во-первых, предыдущие подходы не совсем понимали Елифаза с точки зрения истории его приема.

Понимание того, как Елифаза читали в истории, помогает нам избежать предсказуемых ошибок в том, как нам следует читать его, будь то в той или иной крайности. Если мы вернемся к Септуагинте, мы поймем, что с самого начала толкователи изо всех сил пытались понять, как Елифаз действует в книге. Во-вторых, я бы предположил, что предыдущие исследования не смогли полностью изучить последствия его идумейского происхождения.

Главные герои Иова, скорее всего, идумеяне. Иов родом из Уца, Иов 1:1, земли, вероятно, отождествляемой с Эдомом, к юго-востоку от Палестины или Ханаана. А Елифаз родом из Тимана, как говорит нам Иов 2:11.

Это местность, граничащая с самим Эдомом и связанная с Эдомом и идумейской мудростью. Эдом был известен своей мудростью, и влияние этой мудрой традиции на богословские взгляды и роль Елифаза не было тщательно исследовано. Недавние исследования идумейского диалекта и идумейских надписей пролили дополнительный свет на религиозный и мудрый контекст, из которого возникли Елифаз и другие.

Итак, в своем исследовании я взаимодействую с некоторыми из этих материалов. В-третьих, слишком ограниченный взгляд на источники мудрости, на основе которых Елифаз построил свой богословский ответ, затрудняет подход к Елифазу. Например, ученые часто называют его ограниченным сторонником девтерономической теологии возмездия.

Однако этот подход является анахронизмом и не учитывает многогранные источники и точки зрения, из которых черпает Елифаз. И я думаю, что частично это связано с пониманием древних материалов Ближнего Востока, которые нам помогают. И так далее, понимая свою роль на фоне древних ближневосточных теодицей.

Сохранилось несколько таких произведений, что помогает поместить Елифаза в более широкую месопотамскую традицию мудрости. Эти произведения, сравниваемые с Иовом, изучались на макроуровне. То есть, глядя на книгу Иова в целом и на другие древние ближневосточные параллели.

Это будут такие произведения, как «Вавилонская теодицея», «Сказания о праведном страдальце», «Лудлул бель немеки» и другие. Однако в этих исследованиях не было тщательно рассмотрено то, как во многих из этих произведений страдалец взаимодействует, как в книге Иова, с главным советником, главным собеседником. И эту роль в книге Иова выполняет Елифаз.

Другими словами, в прошлом недостаточно изучено то, как в этих древних ближневосточных произведениях почти в каждом случае праведный страдалец взаимодействует с другом, намереваясь привести его к разрешению проблемы. Это также происходит в книге Иова, но часто исследования в прошлом не в достаточной степени учитывали то, как первоначальная аудитория могла ожидать, что Елифаз будет действовать и выполнять свою роль в книге. Итак, это имеет значение для того, как нам следует понимать Елифаза как главного мудреца.

Наконец, если мы объединим эти идеи, мы лучше поймем книгу Иова в целом. Если в соответствии с традицией древнего ближневосточного богословия мудрости от Елифаза и других друзей ожидается, что они приведут Иова к покаянию и примирению с Богом, но им это не удастся, это подчеркивает важную цель автора Иова. Посредством этой неэффективности автор «Иова» демонстрирует или подчеркивает неспособность традиционных древних богословских взглядов Ближнего Востока разрешить глубочайшие вопросы страдания.

Эти вопросы до сих пор задаются многими. Итак, хотя Елифаз и дает ожидаемый совет мудреца, библейский автор Иова показывает, что его совет в конечном итоге ошибочен. Праведный страдалец не может полностью разрешить напряжение, возникающее из-за дихотомии между его или ее тяжелым положением и библейским акцентом на благости и суверенитете Бога.

С этой точки зрения можно понять, что книга Иова выступает в качестве замечательного контрапункта библейским мудрым сочинениям. Хотя Елифаз олицетворяет высшие достижения и самые глубокие перспективы человеческой мудрости на древнем Ближнем Востоке, его мировоззрение в конечном итоге остается просто человеческим. С другой стороны, Божье решение отмечено контрапунктом.

В книге Иова, как и в истории, последнее слово остается за Богом. Елифаз как сторонник умиротворения — выдающийся древний богослов-законник, который стремится достичь праведности перед Богом человеческими, а не божественными средствами. Будучи законником, предвосхищающим закон Моисея, Елифаз демонстрирует религиозные и богословские черты, присущие человечеству со времен грехопадения.

Однако, как и в случае с Адамом, Каином и другими людьми с самого начала человеческой истории, неправильные средства Елифаза достижения праведности с оскорбленным Богом заканчиваются неудачей. Книга Иова, а также описанные события и речи демонстрируют читателям в религиозных общинах важные истины о грехе, страданиях, праведности и божественном провидении, которые даже для нас сегодня дают почву для богословских и устойчивых, вдумчивых и устойчивых богословских размышлений. Но они также дают утешение отчаявшемуся верующему.

Благодаря энергичной характеристике и изображению Бога, который направляет и поддерживает творение, в книге. Понимая его роль в книге, человек вполне постигает божественное благожелательное промыслие, направляющее подробности жизни народа Божия. Итак, прежде чем перейти к этому высокому величию, мы должны сначала понять, как древние читатели

рассматривали Иова и, следовательно, Елифаза как литературных деятелей и мудрецов в рамках своих традиций.

Кто такой Иов? Имя Иов дважды упоминается в Ветхом Завете за пределами книги, носящей его имя, в Иезекииля 14, стихах 14 и 20. Там Иезекииль представляет Иова как древний образец веры. Он говорит, что даже если бы эти трое мужей, Ной, Даниил и Иов, были бы в нем, они бы избавили, но их собственная жизнь по их праведности возвещает Господа Бога.

Имя Иов также появляется в пантеоне героев, прославленных в апокрифическом сочинении мудрости Бен-Сира, в котором говорится об этом, поскольку Бог также упомянул Иова, который твердо придерживался всех путей справедливости. Судя по всему, написанное там зависит от Иезекииля. В Новом Завете апостол Иаков представляет Иова образцом примерного терпения.

Вы слышали о стойкости Иова и видели замысел Господень, как милосерден и милостив Господь. Личное имя Иов широко встречается в надписях второго тысячелетия до нашей эры на аккадском, ассирийском, египетском и угаритском языках. Он появляется, например, в письмах Амарны XIV века, в аморейской надписи из Алака, в текстах проклятий XIX века из Египта и в нескольких угаритских текстах, включая список дворцовых чиновников XIII века.

Что касается значения имени, многие предполагают, что оно означает вражду или проявление враждебности, основываясь на некоторых родственных словах и предполагаемом соответствии между именем Иов, « оев» , и термином, обозначающим врага, « оев» . Те, кто поддерживает эту связь, указывают на такие тексты, как Иов 13:24, в которых Иов обвиняет Бога в том, что он его враг. И они утверждают, что почти наверняка первоначальные читатели Иова поняли бы это значение.

Однако Дэвид Клайнс предположил, и я склонен следовать его примеру, что происхождение и значение этого термина могут быть более тесно связаны с угаритскими родственниками. Угаритские данные позволяют предположить, что этимология имени происходит от соединения двух слов: «я», означающего «где», и «из», что является теофорной составляющей. Другими словами, оно отражало бы божественного отца.

есть похожее имя — аяку , что означает: где мой брат? И поэтому имя Иов означало бы: где мой божественный отец? Клайнс предполагает, что если это так, то само упоминание имени Иов является мольбой о божественной помощи. И я думаю, что есть некоторые связи с северо-западными семитами, которые ведут меня в этом направлении. Итак, откуда взялся Иов? Есть две основные теории.

В Иове 1:1 говорится, что он родом из земли Уц, и две основные традиции — это либо та, которая находится в современной Сирии, либо в древнем Эдоме или Аравии. Некоторые утверждают, что связь должна быть установлена с Сирией. Это на основе древней ассирийской надписи, по некоторым сочинениям Иосифа Флавия и другим археологическим находкам.

Бартон утверждает, что Уз находился на территории современной Сирии. И он основывает это на ассирийской надписи девятого века Салмансара II. Но если присмотреться к библейским данным, окажется, что доказательства ассирийского происхождения более неубедительны, чем альтернативные версии.

И это, кажется, указывает скорее на то, что главные персонажи Иова — идумеяне. То, что Уц следует отождествлять с Эдомом, к юго-западу от Ханаана или Палестины, следует из нескольких факторов. Во-первых, отчество Уц встречается в родословной Эдомитян в Бытие 36, стих 28.

Во-вторых, Уц связан с Эдомом посредством поэтического параллелизма в Ветхом Завете. Например, в Плаче Иеремии 4:21 автор говорит: «Радуйся и веселись, дочь Эдома, ты, живущая в земле Уц или Уц». Кажется, автор здесь идентифицирует идумеян, как жителей той земли.

В-третьих, большинство имен в книге Иова, судя по всему, имеют идумейское происхождение. Например, Елифаз занимает видное место в генеалогии идумеян в Бытие 36. В-четвертых, Елифаз, который является основным собеседником Иова, происходит из Тимана, региона, который в некоторых отрывках, таких как Иезекииль 25 и Амос 1, относится к собственно Эдому. с Эдомитским царством и Эдомитской мудростью.

Эдом и Тиман были известны своей мудростью, и они упоминаются как в библейских, так и во внебиблейских текстах как увековечивающие глубокую традицию мудрости. Термин Тиман используется в Ветхом Завете около 20 раз и обычно обозначает территорию на юге. Имя Тиман стало ассоциироваться с одним из потомков Исава в книге Бытия, а именно с племенным вождем его клана.

Мы видим это в Бытие 36:15 и 42. Точнее, он внук Исава и сын Елифаза, первенца Исава. Очевидно, что имена вождей идумеев стали ассоциироваться с региональными границами территории идумеев.

Таким образом, это дает веские основания для идентификации Елифаза и Тимана и связанного с ним топонима или географического названия как обозначения территории, которая на самом деле была Эдомитской. Что касается двух наиболее известных территорий Эдома, то Тиман в библейском

пророчестве соединен с Басрой, обозначая регион Тиман как, скорее всего, южный район Эдома, а Басру как главный город северного округа. Так, например, в книге Амоса Амос пророчествует о приговоре Яхве: «Я пошлю огонь на Тиман, и он пожрет твердыни Басры».

25-я глава Иезекииля связывает Тиман с Деданом, другим регионом Эдома. Там сказано, так говорит Господь Бог: простру руку Мою на Едом и истреблю у него людей и скот. Я опустошу от Тимана до Дедана, они падут от меча.

В нескольких библейских отрывках Тиман отождествляется с самим Эдомом, особенно в связи с его связью с источником знаменитой мудрости. В Иеремии 49:7 и 20 пророк Иеремия предсказывает гибель знаменитым мудрецам Тимана, региона, который синекдохой стал обозначать весь Эдом. Так говорит Иеремия об Едоме, так говорит Господь Саваоф: разве нет уже мудрости в Тимане? Исчез ли совет у благоразумных? Исчезла ли их мудрость? Затем он объявляет о полной гибели Эдома.

Итак, вот план, который Господь составил против Эдома, и намерения, которые Он сформировал против жителей Тимана: даже малые из стада будут уведены. Наверняка их стадо будет потрясено их судьбой. Авдия произнес самые резкие слова в адрес Эдома, а также предсказал гибельную судьбу этих высокомерных жителей скал за их соучастие в разграблении Иерусалима и их помощь в задержании депортированных израильтян.

Выходя за пределы библейского текста, даже в межзаветный период, мы видим упоминание об этой связи между Эдомом и мудростью. В еврейских апокрифах Барух, Тиман и Эдом связаны как хранилища мудрости. Об этом говорится в третьей главе, стих 14: научитесь, где мудрость, где сила, где разум, чтобы вы в то же время могли различать, где долголетие и жизнь, где свет для глаза и покой.

А затем приводит несколько примеров того, где можно найти мудрость. О ее мудрости не слышали в Ханаане и не видели в Тимане. Здесь снова связь с Тиманом и Эдомом и их традицией мудрости.

Двумя другими причинами того, что Иов и его друзья, по-видимому, связаны с Эдомом, являются приложение к переводу Иова в Септуагинте, которое включает в себя пространное издание, в котором Иов и его друзья характеризуются как цари идумеского происхождения. В этом приложении автор-переводчик говорит так, что это были цари, которые царствовали в Эдоме, страной которой он правил и сначала Белой, сыном Веора, а после Белы Джобавом, которого зовут Иов, а после него Хушам. Эта ссылка на Иовава образует связь с генеалогией идумеев из 36-й главы Бытия.

В 36-й главе Бытия потомками Исава названы Бела, а затем Иовав, что позволяет предположить, что ранние переводчики связывали Иова с эдомитянами. Итак, если это так, если правда, что Иов и его друзья, вероятно, были идумеянами, возможно ли, что мы сможем получить какое-либо понимание идумеянской мудрости, которое могло бы помочь нам лучше понять природу мудрости, которую они дают в книге? Другими словами, есть ли в Едоме что-нибудь, что могло бы помочь нам лучше поместить его в тот контекст, из которого он возник? Мы хотим рассмотреть это и попытаться определить, можем ли мы понять что-нибудь об Эдоме, что могло бы помочь нам в этом отношении. Согласно библейским данным, до прихода царской власти в Израиле в Эдоме существовала установленная монархия.

Бытие 36 говорит нам; это цари, которые правили в земле Эдома еще до того, как какой-либо царь правил израильтянами. Хотя возможно, что Моисей пишет пророчески, комментаторы часто видят здесь редакционный комментарий. Библейское описание монархии Эдома предполагает, что в начале своей истории она имела достаточную политическую организацию и общественную сплоченность, чтобы в некоторой степени поддерживать происхождение и распространение материалов мудрости, которые были обычным явлением на древнем Ближнем Востоке.

И похоже, что Эдом имел довольно обширное взаимодействие с мировыми державами своего времени. Например, египетский фараон Рамзес II, по-видимому, внес теофорические имена вождей Эдомитян в свои топографические списки в храме Карнака. Другими древними ближневосточными источниками, которые также могут помочь нам в этом отношении, являются два обелиска, обнаруженные в Танисе и датированные 14 веком до нашей эры.

И они подразумевают организованную, если не сказать несколько грозную, идумейскую культуру. Южная стела из этих двух провозглашает победу над ливийцами и нубийцами, а северная стела произносит следующее. В нем говорится: свирепый разъяренный лев, опустошивший землю азиатских кочевников, разграбивший гору Сеир своей доблестной рукой.

Уильям Ф. Олбрайт отметил, что около 1300 года гора Сеир уже была достаточно опасной для нападения египетской армии. Интересен в этом отношении папирус Анастаси, в котором также говорится о кочевых племенах Эдома. Это датируется периодом правления Сетоса II в 13 веке и указывает на то, что идумеи вели частично оседлый образ жизни.

В нем говорится о них как о чужой земле, а не как о чужом народе. Наконец, ссылка из Папируса Харриса, датированного периодом правления Рамзеса III в 12

веке, упоминает кочевников- сейритов . Он говорит, что я разрушил Сеир среди племен азиатских кочевников.

Я опустошил их палатки. Эдом располагался в превосходном месте на торговых путях древнего Ближнего Востока. Он был расположен вдоль Королевского шоссе и занимал центральное место в потоке транспорта и торговли, имевших место в древнем мире.

Королевское шоссе было вторым по ценности международным торговым маршрутом в древнем мире. Он проходил через Эдомитскую горную местность Трансиорданской области. Он обеспечил прямую связь между Египтом и Дамаском.

Поток торговых идей и религии шел прямо по пути Эдома. В данном случае Эдом был главными воротами в древние деловые центры, а также знакомил со многими культурами и обществами того времени. Фактически, многие предполагают, что соперничество между Израилем и Эдомом со временем обострилось из-за борьбы за контроль над этими арабскими торговыми путями, к которым Эдом из-за своего местоположения имел естественный доступ.

Важно отметить, что наряду с торговлей и коммерцией передавались и письменные материалы, а также религиозные тексты. Например, мы обнаружили, что эпос о Гильгамеше, датируемый по крайней мере XIV веком, был обнаружен в нескольких местах, на довольно большом расстоянии, в том числе в Амаре в верхней Сирии и Мегиддо в Ханаане. Кроме того, в Греции обнаружен тайник с тюленями касситского типа.

Это говорит о том, что произошел широкий обмен культур и религиозных представлений. Это подтверждается в книге Иова одним из вопросов, которые Иов задает в ответ Софару. Он спрашивает, не спрашивали ли вы тех, кто путешествует по дорогам, и не принимаете ли вы их свидетельства? Ссылка предполагает доступ к коммерческим дорогам и контакт с другими народами и культурами, которые будут путешествовать по этим дорогам, бизнесменами и религиозными наблюдателями.

Итак, в свете этого, как же тогда мы можем расположить Эдом в контексте не только его географического положения, но и в контексте его религиозной связи с этими другими культурами? Один из вопросов, который мы должны задать, заключается в том, почему существует так мало материальных письменных свидетельств этой знаменитой идумеянской мудрости? Надписей не хватает, и это заставило некоторых предположить, что нам следует вообще отказаться от любых попыток сформулировать синтез идумеянской мудрости. На это есть несколько возможных ответов. Некоторые предполагают, что основные

образцы идумейской мудрости на самом деле были включены в еврейскую Библию или Ветхий Завет.

Это было предложено Робертом Пфайфером в начале 20 века. Однако трудность в том, что это несколько небрежно с богословской точки зрения. Он низводит записанное откровение как происходящее за пределами народа Божьего особого завета, народа Израиля.

В Новом Завете уточняется, что еврейский народ был получателем особого Божьего откровения, записанного в каноне Ветхого Завета. Им принадлежала особая роль посредников, которые должны были стать царством священников и святым народом. Другая точка зрения состоит в том, что вместо включения идумейских материалов в Ветхий Завет, когда народ Эдома был уничтожен, как предсказывали Иеремия и Авдия, они были настолько полностью уничтожены, что после этого разрушения не осталось никаких письменных свидетельств.

Некоторые полагают, что это так. Другие предположили, что, возможно, мы просто ищем не в том месте. То есть при понимании сходства между древними семитскими языками вполне возможно, что идумейские надписи были ошибочно идентифицированы.

Именно такого подхода придерживаются некоторые, утверждающие, что идумейские надписи в прошлом ошибочно классифицировались как еврейские или моавитянские. И поэтому некоторые применили к этому такой подход. Пытаясь сложить все это воедино, лучший способ понять богословские контуры идумейской мудрости — это взглянуть на те немногие материалы, которые, по видимому, свидетельствуют о ее традиции мудрости, и попытаться объединить их в синтез того, чего они придерживались.

Ученым, который наиболее полно сделал это, является Роберт Пфайффер, который в начале 20-го века посвятил много времени спорам о природе идумейской мудрости. Фактически он утверждал, что, когда вы смотрите на Ветхий Завет, есть определенные книги, которые, кажется, отображают определенные части Священного Писания, схожий этос или схожий подход к определенным принципам богословия. Например, он утверждал, что последние две главы Притчей, Агур и Лемуил, имеют значительное сходство с книгой Иова, как и с некоторыми другими псалмами в Псалтири.

Итак, он утверждает, что, соединив все это вместе, мы можем попытаться предположить, в чем заключалась идумейская мудрость. Хотя в подходе Пфайффера есть некоторые недостатки, кажется, что он находится на правильном пути, что в древнем Эдоме действительно существовал консенсус мудрости. И мы можем найти аспекты этого даже в Библии.

Во-первых, в таких отрывках, как Иеремия 49 и Авдия, делается акцент на легендарной мудрости Эдома. И это примечательно, поскольку Эдом считался врагом Израиля. И хотя они были врагами Израиля, библейский текст показывает, что их уважали и славили за свою мудрость.

Еще одним фактором является то, что Соломон считается мудрее всех сынов Востока. Пфайффер считает, что это явная ссылка на идумеян, поскольку Иов считается величайшим из сынов Востока. В-третьих, Пфайффер, как я уже сказал, утверждает, что некоторые отрывки Священного Писания отражают этот акцент идумеян.

Мы могли бы перейти к 30-й главе Книги Притчей, Агуру, который иногда называют Иовом в книге Притчей. Мы могли бы пойти на 89-й Псалом, 88-й Псалом и другие места. Наконец, Пфайффер дополняет эту гипотезу, пытаясь противопоставить то, что он называл еврейской теологией, идумейской теологией в Иове и Притчах.

Он утверждал, что идумейская мудрость пессимистична и агностична, что она рассматривает человеческий закон как тяжелый труд без надежды на возмездие или наказание. Бога считали далеким и равнодушным к человеческим делам, абсолютно суверенным и трансцендентным. В своей работе, когда я исследовал некоторые отрывки из идумейской мудрости и другие вещи, я пришел к выводу, что мы могли бы резюмировать идумейскую мудрость как включающую три принципа.

Во-первых, Бог был грозным Богом. Бог был Богом, вызывающим страх. Например, многие утверждали, что Бог идумеян был Богом природы, устрашающим и загадочным.

Однако, чтобы по-настоящему это понять, нам сначала нужно посмотреть, что сказали друзья и как, по их словам, это отражалось или не отражалось. Эдомитский Бог в дошедшей до нас литературе был известен как Кос. Мы видим это отражение в Ездre 2 и Неемии 7, где Эдомитяне за пределами народа Израиля носят теофорное имя Бар Кос, что означает сын Коса.

Итак, некоторые утверждали, что если мы поймем природу Коса, это поможет нам лучше понять природу идумейской религии и идумейского подхода к Богу. Одним из авторов, который недавно имел дело с этим, является Лоуренс Зальцман. Он утверждает, что лучший способ понять идумейского бога Коса — это связать его с еврейским словом « коц » , которое он переводит как чувство тошнотворного страха.

Если это так, то слово « коц» и, следовательно, «коц» будет обозначать страх, который охватывает кого-то в результате этого сверхъестественного опыта. Зальцман сравнивает эту этимологию с эпитетом Бога, данным в книге Бытия в главе 31, страхом Исаака, который там используется для описания Яхве. Далее в этом отрывке Яхве описывается просто как страх, когда Иаков клянется страхом перед своим отцом Исааком.

Если предложение Зальцмана верно, это имеет значение для теологии мудрости Елифаза, главного друга. Тогда Елифаз также подписался бы на божество, наводящее страх. В Иове 4 Елифаз ярко описывает пережитое им видение.

И это задумано, похоже, расценено как особое откровение от Бога. Описывая увиденное, он говорит о страхе, который вызывало это загадочное существо. Его образ поразителен в стихах 14 и 15.

Он говорит это: напал на меня страх и трепет, от которого сотряслись все кости мои. Дух проскользнул мимо моего лица, и волосы на моем теле встали дыбом. Дважды Елифаз использует термин «ужас» как существительное и глагол для описания ужаса, который вызывает божество, а также синоним «дрожание» для описания его психосоматической реакции.

На протяжении всех выступлений Елифаз демонстрирует явное предпочтение термину «ужас» или «страх» для описания религиозных переживаний, в которых ощущается или ощущается божественное. Эта терминология полезна, поскольку Елифаз излагает свою карающую доктрину, согласно которой нечестивцы непременно испытали устрашающее присутствие Бога на суде. В своей второй речи Елифаз использует этот термин для обозначения того, что нечестивца посещает божественное возмездие, когда звуки страха или ужаса доносятся до его ушей.

И, наконец, в своей третьей речи он говорит о страхе и ужасе, охвативших Иова как злодея. Итак, говорит Он, сети вокруг тебя и внезапный ужас объявит тебя. Итак, Бог – это Бог страха.

Второй принцип я бы описал так: Бог далек. Он совершенно трансцендентален. Он выше созданного порядка.

Елифаз также подчеркивает это в своих речах. Пересказывая видение во сне, дух, дающий ему откровение, подчеркивает огромную пропасть между Богом и человеком, которая не позволяет ни одному смертному достичь праведности перед Богом. Например, говорит он, может ли смертный человек быть прав перед Богом? Может ли человек быть чист перед своим Создателем? Даже слугам своим он не доверяет, ангелов своих обвиняет в заблуждении.

Эта божественная трансцендентность настолько велика, что даже небесные ангелы не свободны от разложения. Во второй речи Елифаз повторяет содержание этого видения, касающегося порочности смертного человека из-за абсолютного отделения Бога от тварного порядка. Человечество отвратительно.

В Иове 15 он говорит: «Что такое человек, чтобы он мог быть чистым?» Рожденный от женщины может быть праведным. Вот, Бог не надеется на Своих святых, и небеса не чисты в Его глазах. Тем более тот, кто мерзок и развращен, человек, который пьет несправедливость, как воду.

Божественная трансцендентность затрагивает и божественную непостижимость для Елифаза. Во второй половине своей первой речи Елифаз изображает Бога практически невидимым для человечества. Бог, творящий великие дела и неисследимые, чудесные дела без числа.

К его третьей речи это становится еще более явным. Поскольку Бога не заботят дела человечества, человеческие усилия не имеют для Него никакой ценности. В Иове 22 Елифаз говорит: может ли человек принести пользу Богу? Может ли даже мудрый человек принести ему пользу? Какое удовольствие доставило бы Всевышнему, если бы вы были праведны? Что бы он выиграл, если бы ваши пути были безупречны? И это отсутствие заботы о делах человеческих проистекает из этой полной божественной удаленности или расстояния.

В 22-й главе, 12-м стихе он говорит: «Разве Бог не высоко на небесах?» Посмотрите на самые высокие звезды, как они высоки. Для Елифаза Бог далек от материальной вселенной. Бог остается совершенно трансцендентным и практически не интересуется человеческими делами.

И, наконец, третий принцип будет заключаться в том, что Бог — карающий Бог. Бог своенравен и карает. Елифаз и другие друзья предполагают существование божества, капризного в своих отношениях с людьми.

Хотя Елифаз иногда и непоследователен в применении этих принципов, он в основном проповедует о Боге, который как мера космической справедливости вознаграждает человека согласно божественным прихотям. Например, в четвертой главе Елифаз изображает злодея как человека, уничтоженного дыханием Бога и поглощенного взрывом Его гнева. Бог — всемогущий арбитр в человеческих делах, который произвольно назначает наказание или благословение по велению своей воли.

Елифаз говорит, что ранит, но перевязывает, разбивает, но руки его заживают. Материальное благословение и разрушительное наказание Бога проистекают не столько из Его божественного характера, сколько из того, обижается ли Бог

на человека и его поведение. Злодей наказан в главе 15, потому что он протянул руку против Бога и бросил вызов Всемогущему.

Нигде это не связано с божественным нравственным характером, а скорее является актом грубой воли. В третьей речи Елифаз утверждает, что нечестивцы наказаны за то, что сказали Богу: «Отойди от нас». И что Всевышний может сделать нам? Таким образом, подчинение чистой силе Бога является высшим благом.

Принимая во внимание, что высшее зло – это бросить вызов божественной воле и противостоять ей. Для Елифаза Бог — это карающий Бог, но возмездие не вытекает из божественного нравственного характера. Это скорее просто сила его воли.

Итак, проанализировав контуры идумеянской мудрости, мы сможем лучше понять роль и догматы друга Иова, поскольку они связаны с целью книги. Их совет основан на ошибочной и в конечном итоге неудачной попытке заставить Иова признать, что ужасающий, совершенно трансцендентный и капризный карающий Бог наказал Иова в соответствии с его грехами. Иов должен признать эти грехи и покаяться.

Если он сделает это, по словам Елифаза и других друзей, он вновь обретет благосклонность Бога и вернется к своему прежнему состоянию. Однако важной особенностью книги является то, что она опровергает эти карательные подходы к распознаванию замыслов Божьего провидения. Бог суверенен, свободен и милостив, как свидетельствует книга.

Его нельзя принудить к этой упрощенной причине и следствию. Таким образом, книга демонстрирует темную сторону мудрости. Это сценарии, когда общие принципы Притчей не могут объяснить реалии падшего мира.

Подробнее об этом будет сказано в следующей части. В следующем отрывке мы рассмотрим Елифаза, особенно через его речи, как он стремится привести Иова в место божественного умиротворения, чтобы он признал свои грехи и покался в них. Я предполагаю, что он этого не сделает.

В конце книги его упрекают таким образом, что это помогает нам лучше понять, чего пытается достичь книга и какова функция Елифаза в книге. Итак, я приглашаю вас присоединиться к нам в следующем разделе, где мы рассмотрим Елифаза, особенно в контексте его древней ближневосточной теодицеи мудрости.

Это доктор Кайл Данэм в своем учении об Елифазе, благочестивом мудреце из Иова. Это сеанс номер один: Елифаз в контексте идумеянской мудрости.